

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 669.213(091)(292.511/.516)"19"

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2021_1_6

И. Владимирски, М.В. Кротова

Золотые прииски сибирской тайги в конце XIX – начале XX в.: взгляд изнутри*

«Золотое дело» в Сибири, особенно со второй половины XIX в., привлекало внимание специалистов, исследователей и предпринимателей. В этот период центр российской золотопромышленности переносится в Восточную Сибирь, за которой на долгие годы закрепляется статус «золотого дна» и «золотого пояса» России. Дополнения 1870 г. в Горном уставе открывают путь к занятию золотопромышленным делом новым группам населения, обладающим как деньгами, так и практическими знаниями и опытом. Именно тогда золотодобывающая промышленность стала ведущей отраслью сибирской экономики, причем 2/3 всего добытого золота приходилось на Восточную Сибирь. Сибирской золотопромышленности посвящены сотни книг, однако акцент в них сделан на экономическую и техническую составляющую или на состояние рабочего вопроса, но организаторы золотопромышленных предприятий остались вне поля зрения исследователей. Тем не менее надо признать, что без изучения личностей золотопромышленников, их вклада в развитие сибирской тайги, деталей и подробностей приискового быта невозможно понять особенности золотого дела. Нюансировка отдельных сторон деятельности и изучение повседневных практик золотопромышленников позволяют понять не только сибирскую специфику добычи золота, но и проблемы взаимоотношений работодателей и рабочих, центральной власти и провинции. Авторы поставили перед собой задачу проанализировать деятельность отдельных золотопромышленников, рассмотреть условия добычи золота, показать проблемы золотопромышленности в Сибири в конце XIX – начале XX в., выявить особенности менталитета предпринимателей и рабочих. Источниками для статьи послужили работы исследователей Сибири, дневники, мемуары и публикации золотопромышленников, материалы сибирской периодической печати, архивные материалы, которые отражают дух эпохи и колорит времени. Авторы приходят к выводу, что сложившиеся устойчивые представления о сибирской золотопромышленности в конце XIX – начале XX в. нуждаются в пересмотре, учитывая взгляд самих организаторов золотого дела в Восточной Сибири, вкладывавших капиталы и труд в освоение сибирской тайги, техническое усовершенствование процесса золотодобычи, формирование инфраструктуры; развитие культуры и образования Восточной Сибири.

Ключевые слова: золотопромышленность, Восточная Сибирь, тайга, золотые прииски, предпринимательство, повседневные практики, эго-документы, С.В. Востротин, Я.Д. Фризер, Ленское золотопромышленное товарищество.

© Владимирски И., Кротова М.В., 2021

* Исследование было проведено в рамках грантовой программы исследовательского центра частного учреждения культуры «Еврейский музей и центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А.И. Клячина.

Gold mines of Siberian taiga at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries: a view from inside

Since the second half of the XIX century, East Siberia got its status as the «golden bottom» and the «golden belt» of Russia, became a center of gold mining industry and attracted attention of numerous professionals, researchers and entrepreneurs. The updated Mining Statute of 1870 allowed to additional groups of Russian population, which possessed wealth, practical knowledge and experience, to be involved in the gold entrepreneurship. Their initiative largely turned the gold mining into a leading Siberian industry with 2/3 of the Russian gold coming from East Siberia. Hundreds of books were written on the subject but practically all of them emphasized one or several sides of gold mining business: economic or technological, work force dynamics and labor legislation. The real figure of gold mines entrepreneurs and their efforts on establishing and promotion this vital for Siberia industry left out of view of the researchers. Without the overwhelming research of the portrait gallery of Siberian gold entrepreneurs, their personal knowledge and practical experience, peculiarities of everyday life of the gold mines the history of the Russian gold industry will be uncompleted. Siberian gold entrepreneurs besides their rich practical work experience in extraordinary geographical and climatic conditions, dealt with numerous aspects of workers-owners relationship and metropolis-periphery connections. The authors defined their tasks in analyzing the problems of Siberian gold industry at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries, organization and administration of gold mines through the view of gold entrepreneurs, describing different mentalities of gold mines owners and their employees. The article is based on works of researchers of Siberia, diaries, memoirs and publications of gold entrepreneurs, which transmitted the feeling and the taste of the epoch, materials of Siberian press and central archives. The authors came to conclusion that established representation of Siberian gold industry at the end of the XIX – the beginning of the XX centuries deserves a revision with taking into account a work and experience of gold entrepreneurs as direct initiators of gold industry. These people who invested large wealth and efforts in transformation of Siberian taiga, technical improvement of gold mining process, establishing infrastructure for economy, culture and education deserve to become a part of polyphonic historical narrative.

Key words: gold mining industry, East Siberia, taiga, gold mines, entrepreneurship, everyday practice, ego-documents, S.V. Vostrovin, Ya.D. Frizer, the Lena Goldmining Company.

Введение. В XIX в. золото для Восточной Сибири стало системообразующим началом и основным источником дохода населения. Сибирь тогда получила разные имена: Русская Калифорния, Русский Клондайк, «золотое дно», «золотой пояс», «золотая кладовая». В обыденном сознании россиян на долгие годы закрепляется миф о Сибири как далекой, таинственной и полной сокровищ стране, где несметные богатства рассеяны по поверхности земли. Со второй половины XIX в., во многом

посредством трудов литераторов и публицистов, золотопромышленность окружается ореолом романтики и приключений, имеющих весьма отдаленное сходство с повседневными буднями как самих золотопромышленников, так и рабочих на золотых приисках. В центральной и местной прессе постоянно публикуются очерки и сообщения о поисках золота, покупке и продаже приисков, образе жизни их владельцев, тяжелой доле рядовых рабочих. С первого дня развития золотопромышленности в Сибири начинается складываться устойчивый дихотомический канон в описании жизни на золотых приисках, противопоставляющий жаждущего наживы владельца прииска и забитого эксплуатируемого рабочего.

В конце XIX в. публикуются исследовательские работы по золотопромышленности В.И. Семевского, М.Ф. Горбачева, П.В. Грунвальда [11; 12; 29]. Одновременно с ними появляются работы золотопромышленников-практиков: А.М. Сибирякова, М.Д. Бутина, Я.Д. Фризера, посвященные преимущественно таким темам, как открытие золотых месторождений, геологическим особенностям залегания золота, технике добычи, правительственному законодательству, налоговой политике, обеспеченности рабочей силой, написанным с глубоким знанием дела, использованием и анализом богатого фактического материала [5; 6; 32; 35–37].

Печально известный Ленский расстрел 1912 г. на приисках компании «Ленское золотопромышленное товарищество» (Лензото) вызвал новый всплеск интереса к золотопромышленности. Не было, пожалуй, ни одной газеты Российской империи, которая не написала бы о Ленском расстреле, появился огромный пласт работ, посвященных этому событию, в которых так или иначе затрагивались отдельные стороны добычи золота. Однако в большинстве работ как дореволюционных, так

и после революции акцент делался на чудовищных условиях труда рабочих, гнете и эксплуатации золотопромышленников-капиталистов. Из работ советского периода можно выделить труды 1920–1930-х гг., в которых содержится масса ценных сведений об организации золотого дела [1; 14; 19; 22; 34]. К сожалению, классовый подход большинства советских исследований с акцентом на тяжелых условиях труда и безудержной эксплуатации рабочих не дает возможности разглядеть за обобщенным портретом золотопромышленников их личности и вклад в развитие Сибири.

Возросший интерес к истории предпринимательства в России в целом и персонификации личности предпринимателя в частности характеризует изменение подхода к исследованию российской золотопромышленности начиная с 1990-х гг. Из большого числа исследований постсоветского периода необходимо отметить работы Л.В. Сапоговской, А.В. Старцева, П.П. Румянцева и других сибирских исследователей [3; 7; 26; 28; 30; 33; 38; 39]. Однако надо признать, что за редким исключением исследователей меньше всего интересовали условия и процесс добычи золота в Сибири в конце XIX – начале XX в. с точки зрения золотопромышленников, между тем именно взгляд непосредственных организаторов золотого дела заслуживает пристального внимания.

В настоящей статье хотелось бы затронуть особенности деятельности сибирских золотопромышленников, в частности, С.В. Вострина, Я.Д. Фризера, руководителей Ленского золотопромышленного товарищества (Лензото), проанализировать условия и содержание их работы, рассмотреть проблемы, с которыми им приходилось сталкиваться, неписанные традиции трудовых взаимоотношений между владельцами и рабочими на золотых приисках, особенности менталитета

предпринимателей и рабочих. Источниками для статьи послужили работы исследователей Сибири, эго-документы (дневники и мемуары золотопромышленников), материалы сибирской периодической печати, архивные материалы (работы Постоянной совещательной конторы платино- и золотопромышленников, документы Ленского золотопромышленного товарищества, отчеты горных инженеров), которые отражают дух эпохи и колорит времени. Методологической основой исследования стал комплексный междисциплинарный подход, объединивший разные стороны золотопромышленности: историю, экономику, этнографию, социологию, культуру.

Определенный портрет сибирского золотопромышленника сложился уже в первой половине XIX в. и видоизменялся с течением времени. Поначалу считалось, что добыча золота в Сибири – дело авантюристов и преступников. Открытие золота в Енисейской тайге в первой половине XIX в., где к середине века добывалось почти 95 % всего золота в России, привел к расцвету Красноярска и Енисейска, затем центр добычи золота переместился на северо-восток, в район рек Лены и Витима [34, с. 164]. Первоначальные капиталы золотопромышленников действительно нередко были делом случая, благодаря открытию богатой золотой жилы или россыпи. Однако ведение золотого дела было связано с немалым риском: вчерашние миллионщики могли стать банкротами, неудачно вложив деньги или потратив все средства на разведки, но не обнаружив золота. Горный инженер Л.А. Ячевский считал, что золотопромышленность в Сибири приобрела характер «биржевой игры»: «Почти всякий сибиряк, успевший скопить одну-другую тысячу рублей, бросается в этот омут и разве только один из тысячи выходит из него не разоренным, не разбитым» [31, с. 3]. С другой стороны, легко нажитые баснословные богатства стали причиной многочисленных чудачеств золотопромышленников, и по всей Сибири ходили рассказы о

разгульных кутежах золотых «заправил», швырянии денег на ветер и проч.¹ Тем не менее надо заметить, что из среды сибирских золотопромышленников вышло немало замечательных людей, которые находили новые пути и направления приложения своих капиталов [3; 7; 8; 9; 30; 33; 38; 39].

Основатель династии енисейских купцов Кытмановых Петр Михайлович был из крестьян. Он сколотил капитал на поставках провизии на золотые прииски, затем после открытия золотых месторождений стал одним из крупнейших енисейских золотопромышленников. Его сыновья расширили дело, стали владельцами пароходства, занимались торговлей, а внук Петра Михайловича Александр Игнатьевич Кытманов (1858–1910) стал известным ученым, общественным деятелем и благотворителем, жертвовавшим на нужды образования и просвещения, что, впрочем, было присуще многим золотопромышленникам. Крупным благотворителем был также представитель известной сибирской купеческой фамилии золотопромышленник А.А. Баландин, организатор акционерного товарищества «Драга», открывший частную библиотеку в Енисейске [7, с. 93–94]. Александр Михайлович Сибиряков (1849–1933), происходивший из семьи иркутских купцов-золотопромышленников, был владельцем золотых приисков, заводов, пароходства, спонсировал экспедиции Виггинса, Норденшёльда, пожертвовал на создание Томского университета 100 тыс. р., а умер в 1933 г. в нищете в Ницце.

¹ Н.П. Попов в своей книге приводит примеры показного презрения золотопромышленников к богатству, когда дорогие костюмы нарочно рвали, или для того, чтобы перейти улицу, кидали себе под ноги, чтобы не запачкать ботинки, пятирублевые бумажки [22, с. 107]. Этот золотопромышленный фольклор был настолько устоявшимся, что А.Р. Альшанский в предисловии к своей книге пишет: «Золотой промысел в руках капиталистов выпестовал тип хищника старателя, который „не брал сдачи с десяти рублей“ и устраивал триумфальные шествия от кабака до дома терпимости» [1, с. 1].

Он много сделал для исследования Северного морского пути и судоходства сибирских рек, так как считал, что именно водные пути сообщения в Сибири станут толчком к ее развитию [32].

Известный иркутский купец, миллионер Михаил Дмитриевич Бутин (1835–1907) – золотопромышленник, которому принадлежали Дарасунские золотые прииски, имел, помимо прочего, винокуренные заводы, занимался торговлей. В Нерчинске он построил большой дом в виде замка с картинной галереей, музеем, библиотекой, который окружал сад с оранжереей. Огромное зеркало, украшавшее танцевальный зал дома, было доставлено в Нерчинск из Парижа. При доме был свой музыкальный оркестр [20, с. 277]. Этот «бутинский замок» до сих пор является главной достопримечательностью Нерчинска, кроме того, в Нерчинске М.Д. Бутин построил за свой счет здание реального училища, музыкальной школы, аптеки, создал частный музей из нескольких сот предметов, привезенных им из Европы и Америки, пригласил политического ссыльного Алексея Кирилловича Кузнецова заняться устройством сельскохозяйственной фермы в предместье города Зырянхи. А.К. Кузнецов в одном из писем так отзывался о нем: «Всесильный здесь Бутин – золотопромышленник и крупный торговец, ... хотя, как и всякий купец, прежде всего эксплуататор, но как человек хороший и в этом отношении ничего не имеет общего с нашими коммерсантами» [15, с. 23]. М.Д. Бутин стал одним из первых купцов, который поднимал вопросы золотопромышленности в местной и столичной печати. В одной из брошюр Бутин утверждал, что важнейшим «подспорьем» для края является золотопромышленность, «дающая хорошо оплаченный заработок рабочему, представляющая населению надежное и выгодное место сбыта разных продуктов, не говоря о занятиях множества мелких поставщиков, подрядчиков и т. п., и кроме того, способствующая развитию хлебопашества, так как она своим существованием вызывает

усиленный спрос на хлеб и прочие сельские произведения» [5, с. 4]. Он считал, что необходимо поддерживать и развивать эту отрасль, на которой держалась экономика края, что именно она приведет Сибирь к «процветанию и благосостоянию», развитию образования, торговли и промышленности [5, с. 15].

Иван Васильевич Кулаев (1857–1941) – купец, уроженец Енисейской губернии, был из семьи ссыльнопоселенца, занимался торговлей, золотопромышленностью, железнодорожным строительством в Сибири и Маньчжурии. Заработав большие средства, он помогал землякам уже в эмиграции, создав в 1930 г. благотворительный фонд им. И.В. Кулаева, пожертвовав в него 200 тыс. долларов, который существует и сегодня. Будучи, как и многие сибирские золотопромышленники, низкого происхождения, имея четыре класса образования, Кулаев стал известен в купеческой среде, встречался в Петербурге с министрами А.Н. Куропаткиным, С.Ю. Витте, В.Н. Коковцевым, нисколько не смущаясь разницей в социальном статусе [20]. В своих мемуарах Кулаев упоминал о многих золотопромышленниках, в том числе о ЗахариИ Михайловиче Цыбульском (1817–1882), – томском миллионере, имевшем дачу с танцевальным залом, бильярдной комнатой, оркестром музыкантов, прекрасным садом с оранжереями, где к Рождеству подавалось несколько созревших апельсинов, причем содержание дачи Цыбульскому обходилось в 40 тыс. р. Разбогатев на золоте, он не скупился на благотворительность: пожертвовал 200 тыс. р. на застройку кафедрального собора в Томске, 200 тыс. р. дал на строительство первого сибирского университета в Томске, открыл лечебный курорт на озере Шира в Минусинском округе [20, с. 240].

В воспоминаниях енисейского купца, политического и общественного деятеля и публициста Степана Васильевича Востротина (1864–1943), написанных в эмиграции, представлена не только история семьи,

но и особенности золотого дела, а также замечательные подробности быта сибирских золотопромышленников [10]. Дед Степана Васильевича был родом из крепостных крестьян Каслинского завода Екатеринбургского уезда Пермской губернии. После реформы 1861 г. он приехал в Енисейск, где сумел быстро разбогатеть, и занялся золотопромышленностью. Начальный капитал он, как и многие, составил на мелких посреднических услугах, разносной торговле мануфактурой и галантереей. Вместе с братом Василием он создал «Товарищество братьев Востротиных», которое до 1911 г. разрабатывало 14 приисков с годовой добычей золота на 125 тыс. р. [28, с. 277]. Какое-то время дед работал на приисках компании братьев Зотовых, от которой его отец потом взял в разработку Титовский прииск. Дед брал Востротина еще мальчиком в поездки на прииски (впервые в восемь лет), и Степану Васильевичу запомнились чувство опасности, дикости природы и огромных расстояний, а также особенности приискового быта тунгусов с оленями, сдачи золота два раза в день, маленькой медной пушки, извещавшей особым выстрелом о каждом намытом пуде золота в течение дня (пушку эту дед потом пожертвовал в городскую пожарную команду Енисейска, где она давала салюты). Востротин часто беседовал с дедом о начале семейного золотопромышленного дела и особенностях его ведения: отсутствие письменных расписок, все сделки совершались на веру, а утайка золота компаньоном или посредником считалась из ряда вон выходящей. Со многими торговцами отношения и торговые связи поддерживались в течение многих лет.

В своих воспоминаниях Востротин оставил впечатления о золотопромышленных резиденциях, расположенных на противоположном берегу Енисея, куда выходили дороги с приисков, которые тянулись по берегу Енисея на протяжении до 5 верст одна за другой. Эти резиденции представляли из себя настоящие помещичьи усадьбы с домами

для хозяев, служащих, казармами для рабочих, конными дворами, многочисленными амбарами, кузницами, банями, лавками с разнообразными товарами. Квартиры хозяев, уполномоченных, управляющих были прекрасно обставлены (имелись бильярды и музыкальные инструменты), у многих были столичные повара, запасы дорогих вин и шампанского лучших марок, консервов и заморских деликатесов.

Запомнились Востротину поездки с отцом на отдаленные прииски на р. Вангаш, к которой присоединялись другие золотопромышленники: к концу поездки образовывалась большая кавалькада. Он с удовольствием описал типажи владельцев приисков, в частности, поляка Клементовского, сосланного в Сибирь после польского восстания 1863 г., «отличавшегося громадным ростом и атлетическим сложением»: «весельчак, ездивший всегда с медной трубой, в которую выводил разные рулады, разносившиеся по лесу. Это он делал больше во избежание встречи с медведем, больше возлагая надежды на трубу, чем на какое-либо оружие». Когда Востротин вступил после смерти отца в дело, ему пришлось вникать в золотопромышленное дело, читать много литературы, общаться с разными лицами: торговцами, поставщиками грузов, крестьянами местной округи, занимавшимися доставкой припасов на прииски, с приисковыми рабочими. И этот опыт описан в его воспоминаниях.

Примером непосредственного организатора золотого дела в Восточной Сибири может служить баргузинский купец 1-й гильдии Яков Давидович Фризер (1869–1932), который, будучи уроженцем маленького городка Баргузина в Забайкалье, объездил эту территорию вдоль и поперек с картой в руке. С подросткового возраста был введен отцом в семейное золотое дело, приобрел опыт общения с разными социальными категориями людей и хорошо изучил особенности золотопромышленного бизнеса. Кроме чисто практической работы в золотопромышленности, Яков Давидович стремился поделиться своими знаниями и опытом с другими золотопромышленниками. Он написал и опубликовал несколько работ по разным аспектам практического

управления приисками, которые можно считать подлинной энциклопедией золотого дела [35–37]. В них он описал географические и геологические особенности, климат и природные условия Баргузинской тайги, население этого края, юридические и административные правила золотодобычи, личный опыт своих удач и разочарований.

Фризер обратил внимание на то, что само по себе обнаружение богатого золотом месторождения еще не было гарантией успеха, нужны были правильная постановка и организация золотых работ. Золотоносные местности Восточной Сибири, как правило, находились в удаленных и труднодоступных местах, где отсутствовали какие-либо пути сообщения. Так, Витимскую тайгу живописал журналист П. Белецкий: «Район этот, хотя и был известен в смысле золотоносного, но взоров ничьих не привлекал и среди золотопромышленников не находилось охотников снаряжать поисковые партии без всякой гарантии за успех, в местах, где сплошные исполинские хребты, обнаженные или покрытые дремучим девственным лесом, проходимы только для пешего, да и то не везде, и где снега зимою выпадают до сажени и более глубиною» [2, с. 2]. К тому же путь в тайге зависел от времени года, погоды, спада и разлива бесчисленных рек и речушек. В отдельные участки тайги провизию и оборудование можно было доставить только на оленях, но даже аборигены тайги – ороконы и буряты – не соглашались на перевозку грузов. Фризер в своем очерке «Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды» приводит эпизод, когда один из бурят – Сиден Урбаткаев, согласившийся на вьючную перевозку ста пудов груза в тайгу, попросил Фризера поклясться, что в случае его гибели он будет поддерживать его семью, пока не вырастут дети. Урбаткаев действительно заплутал в тайге (его проводник бежал), провел в ней около четырех месяцев и потом некоторое время страдал серьезным психическим расстройством [35, с. 50].

Вопросы создания транспортной инфраструктуры с целью облегчения доставки продуктов и материалов на прииски были основными проблемами золотопромышленников, которые нередко разорялись, потратив все средства на доставку провизии. Именно владельцы приисков проложили первые пешие, верховые и водные пути в тайге, спонсировали исследования новых дорог, проводку телеграфа и телефона, организацию работы почтовых станций и доставку корреспонденции. Когда в 1866 г. Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества предпринял снаряжение Олекминской экспедиции, задавшейся целью отыскать скотопрогонный путь из Олекминских золотых промыслов в Нерчинский край, ленские золотопромышленники Катышевцев, Басин, Базанов и Трапезников пожертвовали на нужды экспедиции 5 200 р., кроме того, взялись доставить экспедицию за свой счет от Верхоленска до Тихонозадонского прииска, где должны были начаться исследования. Руководить экспедицией было поручено князю П.А. Кропоткину. Кроме исследования скотопригонного пути, он должен был вести путевой журнал, проводить метеорологические наблюдения, собирать гербарий, коллекцию насекомых [18, с. 448].

Сложности устройства путей сообщения описаны в воспоминаниях С.В. Востротина, дед которого непосредственно участвовал в прокладке новых дорог в Енисейской тайге: «Землемер с астролябией давал прямое направление, которого и держались на протяжении многих верст при прорубке первобытного леса... Главную трудность при прокладке представляли болота и топкие места. Чтобы сделать такие места проезжими, приходилось класть сплошные деревянные настилы (помосты), уложенные на деревянных же слегах, а через ручьи и речки перебрасывать мосты. Кроме лесорубов на прокладке дороги работало много пильщиков, которые распиливали пополам сваленные гигантские

деревья, и этими распиленными половинами, их гладкой поверхностью вверх, вымощивался путь. Через каждые 30 верст были построены зимовья с домами для зимовщика и проезжающих. Проезд сделался возможным даже для четырехколесных экипажей» [10]. Однако в удовлетворительном состоянии дорога держалась в течение 10–15 лет, пока не сгнили деревянные накаты и настилы, затем приходилось постоянно подновлять и ремонтировать дороги, опять же за счет золотопромышленников, которые искали способы улучшения инфраструктуры.

Альтернативой дорогам мог быть водный путь, однако и он был полон опасностей, особенно в Витимской тайге. Горный инженер А. Левицкий, проехавший с инспекцией приисков в 1902 г., сообщал о тяжелом и изматывающем путешествии: «Витим до Муйской долины течет почти в ущелье, образует три порога, плавание довольно затруднительное, ибо плот легко может разбиться о подводные камни, загромождающие русло реки (надо было хорошо знать местные географические особенности)» [25, л. 68 об.]. Улучшением водных путей, созданием пароходного сообщения по Енисею, Лене и Витиму занимались как частные золотопромышленники, так и крупные акционерные компании. В Восточной Сибири еще в 1860-х гг. возникли пароходства купцов Трапезниковых, Сибирякова, Немчинова, Базанова, Глотова, Громовой, Кушнарера, Фризера, Ленского золотопромышленного товарищества [13].

В 1895 г. в Бодайбо «Компанией промышленности» была построена частная узкоколейная железная дорога, появилось автомобильное сообщение, которое сократило путь до приисков. Даже после сооружения Великого Сибирского пути до Ленских золотых приисков из Санкт-Петербурга приходилось добираться около 12 суток: поездом до Иркутска, затем лошадьми или автомобилем до Качуга (пристани на р. Лене),

от него в зависимости от состояния воды парходами или лодками до Бодайбо, затем местной узкоколейной железной дорогой [23, л. 5]. Однако Г. Кузбасов, добираясь от Иркутска до Бодайбо в 1926 г. (1800 верст), сообщал, что путь этот «занимает от двух недель до месяца, в зависимости от способностей, „случая“ и „чина“, и нужно иметь выносливый характер любителей приключений и сильных ощущений для того, чтобы сделать эту поездку» [19, с. 128]. Вопрос о средствах сообщения в Сибири неоднократно поднимался и в советский период, в том числе учитывались дореволюционные исследования золотопромышленников.

Золотопромышленники должны были строить не только дороги, но и жилье для рабочих, склады провианта и одежды, церкви и школы, вести торговые операции, заготавливать сено, дрова и продукты, заниматься благоустройством территорий и усовершенствованием способов добычи золота. Процесс добывания золота был тяжелым и сложным. Почти исключительно применялся мускульный труд людей и лошадей. Золото надо было извлечь из земли, а затем отделить от камней и промыть песок. Преобладал ручной способ с промывкой песков на бутарах (драги использовали в редких случаях). Для этого делали «разрезы» (траншеи), шахты и «орты» (горизонтальные шахты), чтобы достать породы и промыть их в специальных приспособлениях: сплотках, бутарах, «кулибинах», вашгердах. Востротин в своих воспоминаниях писал, что в основном добыча велась старыми дедовскими способами, однако и устройство даже таких примитивных машин требовало немало затрат и было доступно лицам со средствами или крупным компаниям. Разработка россыпей затруднялась непростыми климатическими условиями. Так, при разработке Многообещающего прииска Я.Д. Фризера на р. Тулдуни в 1896–1898 гг. за лето раз 15–20 сносило бутары и затопляло разрезы [35, с. 101].

Золотопромышленники пытались вводить усовершенствования, выписывая из-за границы машины, как, например, М.Д. Бутин, который на своих Дарасунских приисках использовал самопрокидывающиеся вагонетки, цепные самотаски и проч. [6]. На приисках Лензото использовались водобойные колеса, локомобили, была построена первая гидроэлектростанция в Сибири, применялись электрические подъемники в шахтах [26, с. 43]. С конца 1890-х гг., когда прежние богатые россыпи стали вырабатываться, золотопромышленники начали искать пути к получению золота из россыпей механическими способами: с 1897 г. – драгами, с 1899 г. – гидравлическими установками. Хотя инженер К.Н. Тульчинский считал, что работа драгами была переоценена: их ставили на приисках без предварительной разведки и без исследования свойств грунта и учета сибирского климата, к тому же их доставка и расходы по эксплуатации были достаточно высоки. Поэтому до революции механическими способами (дражным, гидравлическим, рудным механическим, рудным химическим) было добыто только 3,7 % от всего количества добытого золота в Сибири [34, с. 167].

Рабочий контингент в золотопромышленности отличался от других отраслей, так как здесь сложился определенный тип рабочего, живущего «особой своевольной жизнью со своими нередко дикими обычаями и законами» [24, л. 1 об.]. Существовали разные категории рабочих: «хозяйские», «старатели», «золотничники», «хищники», «бродяги». Хозяйскими называли рабочих, которые нанимались за определенную плату (поденную или с количества выработки) к владельцам приисков или золотопромышленным компаниям. Хозяева давали рабочим «обстановку» – одежду, припасы, необходимые орудия труда, отвозили на прииски и заключали с ними «ряд» или договор. Иногда рабочие являлись на промыслы артелями, в которых существовали взаимопомощь и

наказания за проступки, причем хозяева облагали артели круговой порукой. Старатели и золотничники работали самостоятельно, могли объединяться в артели и арендовать у крупных владельцев участки за часть добытого золота – плата производилась золотниками. Хищники были «таежными волками», которые бродили по тайге с кайлом и лопатой, часто становясь первооткрывателями месторождений. Они никому не платили, добывали золото тайком и скрывались при приближении начальства. Приисковые бродяги представляли собой особый тип. Обычно они предлагали свои услуги владельцам приисков, чтобы те снарядили их на поиски только им известных мест.

Рабочие команды отличались неустойчивостью, среди приисковых рабочих было много новичков, «искателей счастья», которые оставались на 1–2 сезона и затем спускали все заработанные деньги в ближайших к приискам жилых пунктах. Е. Брешко-Брешковская, которая провела несколько лет на поселении в Баргузине – одном из центров для рабочих и владельцев золотых приисков в южной части Олекминской системы, заметила, что «весной и осенью рабочие, направлявшиеся на прииски или покидавшие их, останавливались в Баргузине, забирали свой заработок и растрачивали его в игорных домах, либо пропивали» [4, с. 201]. О гомерическом пьянстве, карточных играх, мотовстве, особом шике рабочих упоминали в своих работах практически все свидетели приисковой жизни. Г. Кузбасов, прибыв в 1926 г. в Бодайбо – центр «золотой Лены», отметил, что в этом городке много ресторанов и трактиров, сюда приезжают «погулять» и прокутить заработки многих трудовых дней» [19, с. 131].

Н.П. Попов собрал сведения о нравах на приисках, в том числе о профессиональном воровстве, бродяжничестве, проституции, торговле спиртом и золотом. Он заметил, что хозяева рисовались в сознании ра-

бочих чужим, враждебным лагерем, так как рабочие оказывались в «закрепощенности» – полной зависимости от золотопромышленника [22, с. 85]. Однако в воспоминаниях золотопромышленников отношения хозяев и рабочих рисуются другими красками. Когда С.В. Востротин вступил в дело и стал объезжать свои прииски, он вспоминал особую атмосферу прибытия на прииски: «По приисковому обычаю, к приезду хозяина являлась делегация рабочих поздравить его с благополучным прибытием. Это означало со стороны хозяина угощение чаркой водки всей команды рабочих. Эта первая чарка устанавливала начало добрых отношений между хозяином и рабочими, ... когда вся масса рабочих подходила к хозяйскому дому и здесь, около выставленного угощения – деревянной кадучки или оцинкованного ведра с разведенным спиртом, начиналась первая беседа. Оживление среди собравшихся нарастало, развязывались языки и начинались вспоминаться эпизоды из прошлых взаимоотношений с покойным хозяином» [10].

В среде золотоискателей были распространены таежные сказы о тайнах и сокровищах тайги, существовало понятие форта, особенно среди старых приисковых рабочих, которые чуяли – «нюхали», по их выражению, золото [26, с. 91; 35, с. 51]. Считалось, что каждый таежный бродяга должен знать какой-нибудь заветный «ключик» с богатой россыпью. Фризер приводит историю о старом хищнике «Севастополе», который, выйдя из тюрьмы, стал популярной фигурой в Баргузинской тайге: все старались угодить ему, чтобы выведать местонахождение какой-нибудь богатой россыпи (поили чаем, водкой, давали денег), но потом разочаровались – он ничего не нашел, был пойман полицией и снова заключен в тюрьму. Другим распространенным убеждением было то, что работники не рассказывают хозяевам о найденных россыпях, предпочитая воспользоваться ими лично. Так, доверенный забайкальской фирмы Кандинских, открывший в 1857 г. богатые золотом площади

по р. Итыгдикану и Мухтунной, умер в нищете и перед смертью пустил слух, что лучшие россыпи он утаил от хозяев [35, с. 52].

Журналист Павел Белецкий заметил, что открытие приисков всегда было связано с опасностями: «Дела закипели, зазвенело золото, полился спирт рекой, а вместе с ним и человеческая кровь» [2, с. 2]. Убийства из-за золота не были редкостью, о чем свидетельствовали многочисленные упоминания в прессе и в воспоминаниях. На особые свойства золота указал современный исследователь А.С. Эткинд: «золото не гниет и не горит; но оно беззащитно перед кражей, расхищением, коррупцией и уязвимо перед лицом зла и пороков» [40, с. 255]. О страшных случаях изощренных убийств в тайге, связанных с кражей золота, в том числе во время доставки его в золотосплавочные лаборатории, упоминают почти все мемуаристы [20, с. 125; 22, с. 105; 35, с. 48]. Опасности подстерегали золотопромышленников даже во время найма рабочей команды на прииски: так, один из кандидатов ссыльнопоселенец Амбаров («человек нетрезвый и ненадежный»), когда Фризер отказался взять его на работу (хотя и предложил на обратную дорогу хлеба и 5 р.), выстрелил в него в упор прямо в конторе, правда, пули «случайно миновали» [35, с. 96].

В статье «Сибирского сборника» за 1886 г. анонимный автор сетовал на то, что на прииски «нанимается всякий сброд, да и тот предварительно спаивается... Заколдованный круг пьянства, разврата, надувательства со всех сторон. Вторая причина зла – сама приисковая жизнь, каждодневная, на открытом воздухе утомительно тяжелая работа, монотонная и однообразная до умерщвления духа, работа по колено в воде, в мороз, ветер, дождь... Прииски – источник физического разрушения рабочих. ...Своеобразное общество, не знающее ни религии, ни нравственности... Это монастырь особенного рода, с тем различием, что в монастыре этом согнаны люди с Камы и Волги не в силу

убеждений, а в силу обманчивых надежд на обогащение и в силу ребяческого легковерия. Это шести или восьмимесячный пост, вызванный не убеждением, а необходимостью». Автор считал рабочие команды сообществом «отпетых людей», которое «хуже, пожалуй, чем тюремное», в котором царила «вечно безысходная скука» [17, с. 126–128].

Одной из примет приискового быта, наиболее бросавшихся в глаза, было пьянство. Михаил Савков, псаломщик Богдаринской Петропавловской миссионерской церкви, в журнале «Забайкальские епархиальные ведомости» сетовал на то, что приисковые рабочие сильно злоупотребляют спиртными напитками: «Пьют старцы, мужья, жены и дети. ... Причина та, что каждый золотопромышленник торгует спиртными напитками распивочно и навывнос открыто, не боясь быть наказанным, потому что им разрешено иметь на приисках водку для бесплатной раздачи рабочим порций водки (соток), но золотопромышленники не так много получают «гешефта» с золота, как с водки и припасов. Дерут столько, сколько можно. Борьба с пьянством в тайге очень трудно, лишь только можно действовать через высшую администрацию, которая и может наказывать местных спиртопродавцов, но, к сожалению, местные горно-полицейские урядники смотрят на все зло, происходящее от пьянства, «сквозь пальцы» [27, с. 88]. Дело в том, что хозяева обязывались подносить рабочим т. н. «порции», да и любая трудная работа поощрялась выдачей спиртного. «Винная порция», как правило, не удовлетворяла рабочих, поэтому около приисков постоянно велась тайная спиртопродажа, с которой безуспешно боролась приисковая администрация. Спиртоносы – таежные бродяги, прекрасно знавшие тайгу и ее тропы, возили спирт в специальных переметных сумках – «торках», перекинутых через спину лошади, и продавали его рабочим за золото.

Другой проблемой было утаивание золота рабочими, причем такая кража считалась частью заработка. Один из анонимных авторов газеты «Восточное обозрение» писал об этом: «Между приисковым людом сплошь и рядом можно услышать мнение, что если не красть золота, то не стоит и работать...Здесь еще в довольно обнаженном виде господствует мораль первобытного человека: добро то, если я украду, зло – если у меня украдут» [16, с. 2]. Поэтому большинство золотопромышленников считали наиболее приемлемым хозяйский способ добычи золота, при котором устанавливался порядок и дисциплина. Горный инженер А. Левицкий, наблюдая за работами на Королонских приисках в Баргузинской тайге, заметил: «Для сокращения хищения золота во время работ устроен очень строгий надзор, а именно, в каждом забое на 4 рабочих есть 2 служащих, наблюдающих за тем, чтобы золото не воровали. Несмотря, однако, на все это, по словам приискового Управления рабочими утаено нынче не меньше 6 пудов золота, которое и ускользнуло с прииска на сторону... Надо заметить, что кража золота во время работ в среде рабочих не почитается преступлением, а напротив, считается ловкостью, молодечеством и тот рабочий, который безусловно не возьмет ничего чужого, без зазрения совести стащит попавшееся ему во время работ золото» [25, л. 78 об., 82].

Причину массового воровства Н.П. Попов видел в том, что на владельцев приисков смотрели как на враждебный лагерь. В своем исследовании он заметил: «Воровали все, что можно было унести. Организовывались компании, нападающие на обозы, подламывающие кладовые в „резиденциях“, но, главным образом, воровали золото различными способами. Создавалась особая идеология, убеждение, что золото воровать можно: „Разве золото хозяин сеял, золото земля родит“. Для краденого золота использовались слова „крупка“ и „пшеничка“. Золотоискатели, не сбывшие золото в тайге, звались

„горбачами“ – с мешком на спине (на горбу) шли они окольными тропами к селениям, чтобы там выгоднее продать золото, и тоже зачастую становились жертвами разбойников» [22, с. 94–96].

При открытии золота в тайге необходимо было произвести разведку, оценить размеры и содержание россыпи, но, как правило, обнаружив золото, золотоискатели набрасывались на разработку россыпей. Срабатывал эффект «золотой лихорадки» – когда вести о вновь найденных залежах привлекали массу хищников самых разных социальных слоев: казаков, рабочих, аборигенов, каторжников, ссыльных, всевозможных авантюристов, которые составляли так называемую «таежную вольницу», с которой никто, в том числе приисковая охрана и полиция, не могли справиться. Горный инженер А. Левицкий был вызван на прииски, открытые в 1898 г. по р. Королон, где было открыто богатое месторождение, и большинство рабочих Баргузинской тайги бросило прииски и «хищничала» в этом ключе. В своем отчете он заметил: «Вскоре наехала из Бодайбо масса торговцев, спиртоносцев и скупщиков, цены на все были чудовищные. Началось пьянство и картежная игра. Прибыв сюда в 1898 г. с отрядом казаков..., я нашел, что золота было расхищено не меньше 40 пудов (по другим сведениям, расхищено было не менее 100 пудов)» [25, л. 76 об.].

Одна из серьезных проблем состояла в том, что у золотопромышленников было не так много инструментов воздействия на рабочих, которые относились к договору с работодателем как к чему-то необязательному. Этот вопрос был поднят на Первом Всероссийском съезде золото- и платинопромышленников в 1907 г. в Санкт-Петербурге. Совет съезда золотопромышленников Витимского и Олекминского горных округов представил проект правил о найме рабочих на золотые промыслы, в котором указал, что при договоре найма трудно соблюсти «баланс между интересами хозяев и рабочих», установить

ответственность рабочих за нарушение ими договора о найме. В проекте говорилось: «Нельзя упускать из виду, что русский рабочий – не только далеко не созрел до ясного и правильного сознания своих договорных отношений к хозяину, но в массе случаев в нем отсутствует всякое понятие об этом, всякое сознание о законности и о необходимости исполнения обязательств, принимаемых на себя по договору найма» [21, с. 2]. В докладе приводились примеры «уловок» рабочих: «Рабочий принимается на работы в известное предприятие на определенный или неопределенный срок. Поработав несколько времени, он без всякого предварительного предупреждения заявляет о нежелании продолжать работу и требует выдачи вида на жительство¹. На заявление приискового управления, что в виду самовольного отказа от работ его паспорт будет отправлен к Окружному инженеру, рабочий или грозит привлечением хозяина к суду за самоуправное, якобы, задержание вида на жительство, или ... отправляется к одному из Горных исправников и заявляет ему об утере паспорта, или что последний сгорел, либо утоплен и просит о выдаче взамен утерянного или уничтоженного документа т. н. отсрочки, которую точно также совершенно беспрепятственно и получает... Затем нанимается на работу к другому золотопромышленнику, совершает и здесь ту же операцию, затем идет к третьему и т. д.» [21, с. 3].

Такие «переходы» для многих рабочих стали способом добывания себе средств для жизни: поступив на прииски, рабочий прежде всего требовал и получал т. н. «выписку», т. е. ордер на получение из приискового амбара или лавки необходимых припасов и продуктов (хлеба, мяса, масла, чая, сахара, одежды), причем требовал в первую очередь сапоги как один из наиболее ценных предметов. Получив такую выписку

¹ При поступлении на работу свой паспорт (вид на жительство) рабочий сдавал в приисковую контору.

и проработав день-два, рабочий прекращал работу на какое-то время, после чего снова выходил, требуя новой выписки, хотя первая им еще не была отработана. «Из опасения отказом в выписке вызвать со стороны рабочего недовольство, а затем его уход с работ, ему вновь дается требуемая выписка, после чего следует то же: день-два работы, два-три дня прогула и т. д. Когда же возрастающий таким образом долг рабочего приисковому управлению достигнет такой цифры, дальше которой управление кредитовать его уже не может, то рабочий уходит с прииска с тем, чтобы поступить к другому золотопромышленнику, от этого к третьему и т. д.» [21, с. 4]. Были и другие, более простые схемы: рабочий нанимался на прииск, получал нужное количество припасов и в тот же день скрывался с прииска, а у горного исправника просил выдать новую отсрочку взамен утерянной. Получив ее, нанимался к другому золотопромышленнику.

На Первом Всероссийском съезде золотопромышленников 1907 г. был поставлен вопрос о «своеволье, разнузданности, отрицании всякой законности» со стороны рабочих: «Рабочие знают о своих правах, но забывают об обязанностях перед работодателем». Было отмечено несовершенство законодательства, когда золотопромышленникам рекомендовалось «отыскивать судебным порядком убытки, причиняемые самовольным отказом или уходом с работ. Но разве возможен судебный процесс против лица, занимающегося бродяжничеством, при совершенной неизвестности, где он находится» [21, с. 5]. Еще одной проблемой было то, что «праздношатающийся, порочный и преступный элемент» скапливался в Бодайбо, предпочитая устроиться в приюте для больных и инвалидов, который содержали золотопромышленники и где можно было получить даровое содержание. Из-за бегства с приисков рабочих и недостатка в рабочей силе некоторые предприятия не могли продолжать работать. На этом съезде прозвучало предостережение об

«оставлении имущественных прав и интересов работодателей на произвол необузданных инстинктов рабочего населения», что могло пагубно повлиять на развитие золотопромышленности в Сибири [21, с. 7]. Эта опасность проявилась довольно скоро и послужила причиной событий на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в 1912 г.

Во второй половине XIX в. сложились устойчивые представления о сибирской золотопромышленности как деле авантюристов, «людей случая», источнике «быстрых денег», развращающем население. Однако при этом практически не учитывалось мнение самих золотопромышленников, людей, которые были практиками и знали, как добывается золото в отдаленных от жилых пунктов местах, в неблагоприятных условиях, при дороговизне рабочих рук и жизненных припасов. Они рисковали, вкладывая свои капиталы в освоение сибирской тайги, прокладывая дороги, устройство пароходного сообщения по сибирским рекам, использование новых технологий. Это были в большинстве своем неординарные люди, которые не только много сделали для исследования Восточной Сибири, но и заботились о развитии культуры и образования, строили школы, больницы и церкви, организовывали музеи и университеты, обладали поистине широким видением необходимости комплексного подхода к решению региональных проблем. Сибирская золотопромышленность на рубеже веков стала благодаря им важным фактором развития экономики, источником огромных налогов в казну и заработка для десятков тысяч человек. Источники личного происхождения, а также архивные документы могут помочь составить представление о проблемах золотопромышленности в Восточной Сибири, оценить вклад сибирских золотопромышленников в развитие края, местной инициативы и создание столичного лобби для решения местных сибирских проблем.

Список литературы

1. Альшанский А.Р. Путь к золоту. – М.: Главзолото, 1935. – 347 с.
2. Белецкий П. История двух приисков // Восточное обозрение. – 1899. – № 209. – 29 сент.
3. Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв.: очерки социальной, отраслевой и ментальной истории / под ред. В.П. Зиновьева. – Томск, 2009. – 308 с.
4. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. Л.А. Игоревского. – М.: Центрполиграф, 2006. – 336 с.
5. Бутин М.Д. К вопросу об улучшении благосостояния жителей Забайкальской области. – Томск: изд. авт., 1886. – 15 с.
6. Бутин М.Д. Описание привилегированного устройства передвижения по рельсам и цепным подъемам торфов и золотосодержащих песков. – М.: типолитография Н.И. Куманина, 1882. – 16 с.
7. Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 317 с.
8. Владимирски И., Кротова М.В. Мемуары сибирских купцов Я.Д. Фризера и С.В. Востротина как зеркало регионалистики // Северные архивы и экспедиции. – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 18–30.
9. Владимирски И., Кротова М.В. Сибирская золотопромышленность через призму дневников Якова Фризера (1869–1932) // Новейшая история России. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 609–624.
10. Востротин С.В. Воспоминания // Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York (BAR). Collections of S.V. Vostrotin. Box #1.
11. Горбачев М.Ф. Отчет по статистико-экономическому и техническому исследованию золотопромышленности Ленского горного округа. – Т. 1. – СПб.: типолитография «Якорь», 1905. – 315 с.
12. Грунвальд П.В. Причины неустойчивости крупных золотопромышленных предприятий Ленского края. – СПб: Эконом. типолитография, 1911. – 30 с.
13. Гузенков С.В. Судходство Лено-Витимского бассейна (60-е гг. XIX в. – 1917 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – 273 с.
14. Дроздов П. Из истории золотопромышленности Восточной Сибири // Из истории пролетариата СССР. – 1935. – Сб. 2. – С. 11–37.
15. Жуков Н.Н. Жизнь и деятельность Алексея Кирилловича Кузнецова // Памяти Алексея Кирилловича Кузнецова. – Чита: Печат. дело, 1929. – С. 5–56.
16. Из Витимской тайги // Восточное обозрение. – 1899. – № 97. – 9 мая.
17. К.М. Современная жизнь Сибири и ее нужды // Сибир. сб. – 1886. – Кн. 2. – С. 99–135.
18. Кропоткин П. А. Дневники разных лет / сост., примеч., им. указ. А.П. Лебедевой; вступ. ст. А.В. Аникина. – М.: Советская Россия, 1992. – 464 с.
19. Кузбасов Г. На Ленских приисках // Сибирские огни. – 1927. – № 2. – С. 128–146.
20. Кулаев И.В. Под счастливой звездой (воспоминания). – Тяньцзин: И.В. Клаев, 1938. – 306 с.
21. Первый Всероссийский съезд золото- и платинопромышленников. К вопросу III. Доклад о рабочих на золотых промыслах: проект правил о найме в связи с законопроектом об ограждении золотопромышленников от кражи золота и платины со стороны рабочих. – Б. г., б. и.

22. Попов Н.П. Приисковый быт // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1929. – Вып. 8/9. – С. 67–107.
23. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 210 а.
24. РГИА. Ф. 49. Оп. 1. Д. 46.
25. РГИА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 656.
26. Румянцев П.П. Служебный персонал золотопромышленных предприятий Сибири в XIX – начале XX в. – Томск: ТГУ, 2016. – 308 с.
27. Савков М. Богдаринский миссионерский стан Баргузинского уезда // Забайкал. епарх. вед. – 1911. – 15 февр. – № 4. – С. 86–89.
28. Сапоговская Л.В. Частная золотопромышленность России на рубеже XIX–XX вв. Урал и Сибирь – модели развития. – Екатеринбург, 1998. – 313 с.
29. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: ист. исслед. – Т. 1–2. – СПб.: И. М. Сибиряков, 1898.
30. Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы Первой всероссийской науч. конф. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2014. – 385 с.
31. Сибирь (Иркутск). – 1885. – № 9. – 24 февраля.
32. Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. – СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. – 199 с.
33. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). – Барнаул: [б. и.], 2014. – 214 с.
34. Тульчинский К.Н. Золотопромышленность Сибири // Сибирские огни. – 1926. – № 1–2. – С. 164–173.
35. Фризер Я.Д. Золотопромышленность в Баргузинском округе и ее нужды. – М.: типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1901. – 151 с.
36. Фризер Я.Д. Статистико-экономический очерк Королонских приисков. – СПб.: типолитография «Якорь», 1906. – 129 с.
37. Фризер Я.Д. Такса урочной и поденной платы на золотых приисках. – СПб.: Правда, 1909. – 52 с.
38. Харусь О.А. Штрихи к политическому портрету сибирского купечества // Сибир. ист. исслед. – 2016. – № 2. – С. 76–95.
39. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. – Новосибирск: ГЕО, 2012.
40. Эткин А. Природа зла. Сырье и государство. – М.: Нов. лит. обозрение, 2020. – 504 с.

References

1. *Al'shanskij A.R. Put' k zolotu* [The path to gold]. – Moscow: Glavzoloto, 1935. – 347 p.
2. *Beleckij P. Istorija dvuh priiskov* [History of two mines] // *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review]. – 1899. – № 209. – September 29.
3. *Bojko V.P. Kupechestvo Zapadnoj Sibiri v konce XVIII–XIX vv. Oчерki social'noj, otraslevoj i mental'noj istorii* [Merchants of Western Siberia at the end of the XVIII–XIX centuries. Essays on social, sectoral and mental history] / ed. V.P. Zinov'ev. – Tomsk, 2009. – 308 p.
4. *Breshko-Breshkovskaja E. Skrytye korni russkoj revoljucii. Otrechenie velikoj revoljucionerki. 1873–1920* [The hidden roots of the Russian revolution. The renunciation of the great revolutionary. 1873–1920] / transl. L.A. Igorevsky. – Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2006. – 336 p.
5. *Butin M.D. K voprosu ob uluchshenii blagosostojanija zhitelej Zabaj-kal'skoj oblasti* [On the issue of welfare improving of the inhabitants of the Trans-Baikal region]. – Tomsk: izd. avt., 1886. – 15 p.

6. Butin M.D. *Opisanie privilegirovannogo ustrojstva peredvizhenija po rel'sam i cepnym pod'emam torfov i zolotosoderzhashchih peskov* [Description of the preferred device for movement on rails and chain lifts of peat and gold-bearing sands]. – Moscow: tipolito-lit. N.I. Kumanina, 1882. – 16 p.

7. Bykonja G.F., Komleva E.V., Pogrebnjak A.I. *Enisejskoe kupechestvo v licah (XVIII – nachalo XX v.)* [The Yenisei merchants in persons (XVIII – early XX century)]. – Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2012. – 317 p.

8. Vladimírskij I., Krotova M.V. *Memuary sibirskih kupcov Ja.D. Fri-zera i S.V. Vostrotina kak zerkalo regionalistiki* [Memoirs of Siberian merchants Ya.D. Frizer and S.V. Vostrotin as a mirror of regionalism] // *Severnye arhivy i ekspedicii* [Northern archives and expeditions]. – 2020. – Vol. 4. – № 2. – P. 18–30.

9. Vladimírskij I., Krotova M.V. *Sibirskaja zolotopromyshlennost' che-rez prizmu dnevnikov Jakova Frizera (1869–1932)* [Siberian gold mining through the prism of the diaries of Yakov Frizer (1869–1932)] // *Novejšhaja istorija Rossii* [Contemporary history of Russia]. – 2019. – Vol. 9. – № 3. – P. 609–624.

10. Vostrotin S.V. *Vospominanija* [Memories] // Bahmeteff Archive. Rare Book & Manuscript Library, Columbia University in the City of New York (BAR). Collections of S.V. Vostrotin. Box #1.

11. Gorbachev M.F. *Otchet po statistiko-jekonomicheskomu i tehniche-skomu is-sledovaniju zolotopromyshlennosti Lenskogo gornogo okruga* [Report on the statistical, economic and technical study of the gold mining of the Lensky mining district]. – Vol. 1. – St. Petersburg: tipolitografija «Jakor», 1905. – 315 p.

12. Grunval'd P.V. *Prichiny neustojchivosti krupnyh zolotopro-myshlennyh predpri-jatij Lenskogo kraja* [The reasons for the instability of large gold-mining enterprises in the Lena region]. – St. Petersburg: Jekonomicheskaja tipoli-tografija, 1911. – 30 p.

13. Guzenkov S.V. *Sudohodstvo Leno-Vitimskogo bassejna (60-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Navigation of the Lena-Vitim Basin (60s of the XIX century – 1917)]. – Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2012. – 273 p.

14. Drozdov P. *Iz istorii zolotopromyshlennosti Vostochnoj Sibiri* [From the history of the gold industry in Eastern Siberia] // *Iz istorii proletariata SSSR* [From the history of the proletariat of the USSR]. – 1935. – Collection 2. – P. 11–37.

15. Zhukov N.N. *Zhizn' i dejatel'nost' Alekseja Kirillovicha Kuznecova* [Life and work of Aleksei Kirillovich Kuznetsov] // *Pamjati Alekseja Kirillovicha Kuznecova* [In memory of Aleksei Kirillovich Kuznetsov]. – Chita: Pechatnoe delo, 1929. – P. 5–56.

16. *Iz Vitimskoj tajgi* [From the Vitim taiga] // *Vostochnoe obozrenie* [Eastern Review]. – 1899. – № 97. – May 9.

17. K.M. *Sovremennaja zhizn' Sibiri i ee nuzhdy* [Modern life of Siberia and its needs] // *Sibirskij sbornik* [Siberian collection]. – 1886. – Book 2. – P. 99–135.

18. Kropotkin P.A. *Dnevniki raznyh let* [Diaries of different years] / Sost., primech., im. ukaz. A.P. Lebedevoj; vstup. st. A.V. Anikina. – Moscow: «Sovetskaja Rossija», 1992. – 464 p.

19. Kuzbasov G. *Na Lenskih priiskah* [On the Lena mines] // *Sibirskie ogni* [Siberian lights]. – 1927. – № 2. – P. 128–146.

20. Kulaev I.V. *Pod schastlivoj zvezdoj (vospominanija)* [Under a lucky star (memories)]. – Tjan'czin: I.V. Klaev, 1938. – 306 p.

21. *Pervyj Vserossijskij s#ezd zoloto i platinopromyshlennikov. K voprosu III. Doklad o rabochih na zolotyh promyslah: proekt pra-vil o najme v svjazi s zakonoproektom ob ograzhdenii zolotopromysh-lennikov ot krazhi zolota i platiny so storony rabochih* [First All-Russian congress of gold and platinum industrialists. To question III. Gold workers report: draft hiring regulations in relation to the bill to protect gold miners from gold and platinum theft by workers]. B.g., b.i.

22. *Popov N.P. Priiskovyj byt* [Mine everyday life] // *Sibirskaja zhivaja starina* [Siberian living antiquity]. – Irkutsk, 1929. – Iss. 8/9. – P. 67–107.
23. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (dalee – RGIA)* [Russian State Historical Archives (hereinafter – RGIA)]. F. 1418. Op. 1. D. 210a.
24. *RGIA*. F. 49. Op. 1. D. 46.
25. *RGIA*. F. 58. Op. 2. D. 656.
26. *Rumjancev P.P. Sluzhebnyj personal zolotopromyšlennyh predprijatij Sibiri v XIX – nachale XX vv.* [Service personnel of the gold mining enterprises of Siberia in the XIX – early XX centuries]. – Tomsk: Izdatel'skij Dom TGU, 2016. – 308 p.
27. *Savkov M. Bogdarinskij missiionerskij stan Barguzinskogo uezda* [Bogdarinsky missionary camp of the Barguzinsky district] // *Zbajkal'skie eparhial'nye vedomosti* [Transbaikal diocesan bulletin]. – 1911. – February 15. – № 4. – P. 86–89.
28. *Sapogovskaja L.V. Chastnaja zolotopromyšlennost' Rossii na rubezhe XIX–XX vv. Ural i Sibir' – modeli razvitija* [Private gold mining in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. The Urals and Siberia – development models]. – Ekaterinburg, 1998. – 313 p.
29. *Semevskij V.I. Rabochie na sibirskih zolotyh promyslah: istoričeskoe issledovanie* [Workers in Siberian gold fields: historical study]. Vol. 1–2. – St. Petersburg: I. M. Sibirjakov, 1898.
30. *Sibirskoe kupechestvo: istoki, dejatel'nost', nasledie: materialy Pervoj vse-rossijskoj nauchnoj konferencii* [Siberian merchants: origins, activities, heritage: materials of the First All-Russian Scientific Conference]. – Tomsk: Izd-vo TGASU, 2014. – 385 p.
31. *Sibir' (Irkutsk)* [Siberia (Irkutsk)]. – 1885. – № 9. – February 24.
32. *Sibirjakov A.M. O putjah soobshhenija Sibiri i morskikh snoshenijah ee s drugimi stranami* [On the communication lines of Siberia and its sea relations with other countries]. – St. Petersburg: tipografija M.M. Stasjulevicha, 1907. – 199 p.
33. *Starcev A.V., Goncharov Ju.M. Predprinimatel'stvo v Sibiri: istoričeskij opyt (XVII – nachalo XX v.)* [Entrepreneurship in Siberia: historical experience (XVII – early XX century)]. – Barnaul: [b.i.], 2014. – 214 p.
34. *Tul'chinskij K.N. Zolotopromyšlennost' Sibiri* [Gold Industry of Siberia] // *Sibirskie ogni* [Siberian Lights]. – 1926. – № 1–2. – P. 164–173.
35. *Frizer Ja.D. Zolotopromyšlennost' v Barguzinskom okruge i ee nuzhdy* [Gold mining in the Barguzinsky district and its needs]. Moscow: Tipolitografija t-va I.N. Kushnerev i Ko, 1901. – 151 p.
36. *Frizer Ja.D. Statistiko-jekonomičeskij očerok Korolonskich priiskov* [Statistical and economic sketch of the Korolonsky mines]. – St. Petersburg: tipo-lit. «Jakor'», 1906. – 129 p.
37. *Frizer Ja.D. Taksa uročnoj i podennoj platy na zolotyh priiskah* [The rate of the fixed and daily wages in the gold mines]. – St. Petersburg: tip. «Pravda», 1909. – 52 p.
38. *Harus' O.A. Shtrihi k političeskomu portretu sibirskogo kupechestva* [Touches to the political portrait of the Siberian merchants] // *Sibirskie istoričeskie issledovanija* [Siberian Historical Research]. – 2016. – № 2. – P. 76–95.
39. *Enciklopedičeskij slovar' po istorii kupechestva i kommercii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic dictionary of the history of merchants and commerce of Siberia: in 2 volumes] / ed. D.Ja. Rezun. – Novosibirsk: akad. Izd-vo «GEO», 2012.
40. *Etkind A. Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [The nature of evil. Raw materials and the state]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. – 504 p.